

СУДЕБНЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ, ИХ ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Проанализированы судебные уголовно-процессуальные функции, их различия по предмету, пределам и субъектам. Обоснована функциональная самостоятельность судебного контроля и судебного обеспечения прав и свобод в предварительном (досудебном) производстве по уголовному делу. В функцию разрешения уголовного дела включены отправление правосудия, применение принудительных мер медицинского или воспитательного характера и прекращение дела.

Ключевые слова: уголовный процесс; функции уголовного процесса.

УПК РФ не содержит термина «судебная власть» как среди основных понятий, разъясненных в ст. 5, так и в содержании отдельных статей. Можно согласиться с Ф.А. Абашевой, определившей дефиницию судебной власти в сфере уголовного судопроизводства следующим образом: государственно-властное разрешение судом возникающих при производстве по уголовным делам правовых конфликтов (споров), связанных с выполнением поставленных перед уголовным судопроизводством задач [1. С. 72]. Она правильно отмечает, что в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ речь идет лишь о способах реализации судебной власти, а не о содержании правосудия. В ст. 118 Конституции РФ должно содержаться если не понятие судебной власти, то хотя бы указание на средства ее реализации.

В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы обеспечиваются правосудием. Права и свободы должны обеспечиваться не только правосудием и даже не судебной властью, а всеми ветвями государственной власти, поскольку защита прав и свобод является обязанностью всех государственных органов (ст. 2 Конституции РФ). Следовательно, конституционная функция судебной власти – судебная часть их государственной защиты.

В уголовном процессе судебная власть реализует свою конституционную функцию судебной защиты посредством осуществления судами правомочий, закрепленных в ст. 29 УПК РФ. Указанные правомочия сгруппированы по основным направлениям судебной деятельности, позволяющим определить функциональное предназначение судов. Судебные правомочия, предусмотренные п. 1–3 ч. 1 ст. 29 УПК, составляют функцию разрешения уголовного дела. Отмена или изменение решения, принятого нижестоящим судом (п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ), – исключительно судебное контрольное правомочие, но оно может быть реализовано как по обжалуемому приговору, так и по обжалуемому судебному решению, вынесенному при реализации правомочий, предусмотренных ч. 2 ст. 29 УПК РФ.

В качестве принципа уголовного судопроизводства в УПК РФ непосредственно закреплена функция не правосудия, а разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 15); и опосредованно, через указание на обязанность суда создавать необходимые условия сторонам для осуществления предоставленных им прав (ч. 3 ст. 15), – функция судебного обеспечения законности и обоснованности ограничения прав и свобод. Поэтому можно говорить о том, что судебные правомочия в уголовном процессе образуют две судебные функции: функцию разрешения уголовного дела и функцию судебного обеспечения законности и обоснованности ограничения прав и свобод.

Судебные правомочия, предусмотренные ч. 2 ст. 29 УПК РФ, принято называть судебным контролем, но по своим сущностным характеристикам они настолько неоднородны, что дают основания для вывода о многофункциональности судебного контроля [2. С. 374]. Поэтому законодатель предусмотрел различный порядок их осуществления.

Часть 2 ст. 29 УПК РФ закрепляет исключительные правомочия суда в досудебном производстве, которые можно разграничить на три группы:

- 1) решение вопросов, связанных с ограничением личной свободы подозреваемого или обвиняемого (п. 1–3);
- 2) временное отстранение обвиняемого от должности (п. 10);
- 3) выдача разрешений на производство следственных действий (п. 4–9, 11).

Но достаточных оснований для утверждения о их многофункциональности нет, поскольку под функциями принято понимать не полномочия какого-либо органа или должностного лица, а главные направления его деятельности, в которых выражаются его специальное назначение и роль. Функциональное объединение данных правомочий возможно вследствие того, что все они связаны с судебным ограничением конституционных прав и свобод при производстве по уголовному делу.

Кроме закрепленных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ есть еще две группы судебных полномочий, абсолютно «вписывающихся» в функцию судебного обеспечения прав и свобод. Самостоятельную четвертую группу составляют полномочия, предусмотренные ст. 123 и 125 УПК РФ. Еще одна группа – полномочия, закрепленные в ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

По существу функция судебного обеспечения законности и обоснованности ограничения прав и свобод проявляется тем, что суд:

- 1) обеспечивает законность и обоснованность ограничения прав и свобод принятием решений, предусмотренных п. 1–3 и 10 ч. 2 ст. 29 УПК РФ;
- 2) разрешает ограничение прав и свобод следователем при производстве следственных действий (п. 4–9 и 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ);
- 3) проверяет законность и обоснованность состоявшихся ограничений конституционных прав и свобод (ч. 5 ст. 165 УПК РФ);
- 4) проверяет законность и обоснованность действий и решений, затрагивающих процессуальные законные права и интересы участников процесса и иных лиц (ст. 123 УПК РФ);
- 5) проверяет законность и обоснованность действий и решений, способных причинить ущерб конституци-

онным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затрудняющих доступ граждан к правосудию (ст. 125 УПК РФ).

В первых двух случаях суд выполняет функцию судебного обеспечения законности и обоснованности ограничения конституционных прав и свобод. Только в 3–5 случаях суд осуществляет проверку действий и решений должностных лиц, которую и нужно рассматривать в качестве судебного контроля. Но по своей сути проверочная судебная деятельность также неоднородна. В случаях, указанных в п. 3 и 5, это конституционный судебный контроль, а в случае, названном в п. 4, – процессуальный судебный контроль.

Между правосудием, судебным контролем (проверкой жалоб или представленных следователем материалов) и судебным обеспечением законности и обоснованности ограничения прав и свобод в досудебном производстве по уголовному делу (рассмотрением ходатайств следователя) имеются различия как по предмету, так и по субъектному составу:

1. По предмету: при отправлении правосудия разрешается материально-правовой конфликт между государством, обществом и лицом, совершившим преступление. При осуществлении судебного контроля – процессуальный правовой конфликт, затрагивающий процессуальные интересы участников процесса и иных лиц. При судебном обеспечении законности и обоснованности ограничения прав и свобод предметом являются конституционные права и свободы, в том числе и в случаях, предусмотренных ст. 125 УПК РФ.

2. По субъектному составу: при отправлении правосудия участвуют равноправные стороны обвинения и защиты. При осуществлении судебного контроля – лицо, обжаловавшее действие или решение должностных лиц органов предварительного расследования. При судебном обеспечении законности и обоснованности ограничения прав и свобод – органы предварительного расследования.

Все полномочия суда, предусмотренные ч. 2 ст. 29 УПК РФ, являются средствами судебной защиты прав и свобод, провозглашенных в ст. 21–25, 34–35, 45 Конституции РФ и закрепленных во втором разделе УПК РФ в качестве принципов уголовного судопроизводства, вследствие чего их принято называть конституционными принципами уголовного процесса. Отсюда следует, что рассматриваемая судебная деятельность в сущности является ни чем иным, как непосредственным конституционным судебным контролем в досудебном уголовном судопроизводстве и суд при его осуществлении применяет нормы конституционного права [3. С. 5–6].

Н.Н. Ковтун правильно отмечает необходимость четко различать те уголовно-процессуальные отношения, где контрольный аспект уголовно-процессуальной деятельности (проверка и оценка) является доминирующим, всецело определяющим средством решения конкретной (процессуальной) задачи, основным средством достижения поставленной цели, а где лишь вспомогательным средством (одним из средств) для достижения более общей (основной) задачи процесса (стадии или института), только элементом в правовом механизме достижения итоговой цели [4. С. 13–14].

Таким всецело определяющим средством достижения поставленной цели проверка и оценка являются

при рассмотрении судом материалов, представленных следователем в порядке ч. 5 ст. 165 УПК и при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК. В этих случаях судебная деятельность является сугубо контрольно-проверочной как по своему назначению (задачам или целям), так и по содержанию и результатам [4. С. 13]. Во всех других случаях также выносится судебное решение по материалам, представленным следователем или иным должностным лицом. Но доминирующая задача суда при этом – вынесение собственного законного и обоснованного судебного решения по представленным материалам, а их проверка и оценка являются средством достижения данной цели.

По ч. 1 ст. 125 УПК РФ осуществляется судебный конституционный правовосстановительный контроль. Признав действия или решения незаконными или необоснованными, суд обязывает устранить допущенное нарушение. Так, после признания незаконным постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, следователь обязан возбудить уголовное дело и конституционное право на доступ к правосудию будет восстановлено. По ч. 5 ст. 165 – тоже конституционный судебный контроль, но не правовосстановительный, а правоудостоверительный. Суд может признать обыск незаконным и полученные доказательства – недопустимыми. Но восстановить нарушенное конституционное право на неприкосновенность жилища невозможно, как невозможно аннулировать сам факт проникновения следователя в жилище для производства обыска.

Редакция ст. 125 УПК РФ предоставляет участникам уголовного судопроизводства и по их жалобам – суду возможность самостоятельно определять, реализовалась ли в действиях и решениях дознавателя, следователя, прокурора способность причинения ущерба конституционным правам и свободам. Обжалуются уже произведенные действия или вынесенные решения и участники процесса обжалуют не способность причинения ущерба, а ущерб, реально причиненный конституционным правам и свободам либо затруднивший доступ к правосудию. В практике встречаются случаи возбуждения уголовного дела при истечении сроков давности уголовного преследования. Отсутствие в ст. 125 УПК РФ прямого указания на возможность судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом. Таким образом, ст. 125 УПК РФ существенно ограничивает реализацию в уголовном судопроизводстве конституционного принципа судебной защиты прав и свобод и судебного обжалования любых действий и решений должностных лиц.

Судебные решения в предварительном производстве настолько различаются по их сущностным характеристикам, как и собственно судебная деятельность на данном этапе процесса, что не все решения, как и не всю деятельность, можно считать контрольными или проверочными. Н.Г. Муратова называет 8 видов решений по осуществлению судебного контроля по уголовным делам [2. С. 374]. Но классификацию судебных решений проводит по их наименованиям, что не позволяет выявить их сущность. Различия нужно видеть не в терминологии, а в сущности рассматриваемой судеб-

ной деятельности. Все судебные решения в предварительном производстве оформляются постановлениями.

Но в одних постановлениях излагаются судебные решения, не влекущие за собой процессуальной деятельности следователя и подлежащие исполнению иными органами, не осуществляющими уголовное судопроизводство. Это постановления о заключении под стражу, домашнем аресте и временном отстранении от должности. Фактическая деятельность по исполнению данных решений лежит вне уголовно-процессуального правового регулирования.

В других постановлениях содержатся разрешения на производство следственных действий, которые следователь может и не проводить, если отпадет необходимость в этом (ч. 4 ст. 165 УПК РФ). Без судебного разрешения следователь не вправе войти в жилище для производства осмотра, обыска или выемки, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Но судебное разрешение для него не является приказом, подлежащим неукоснительному выполнению. Так, если после получения судебного разрешения до начала фактического его исполнения следователем отпадут основания для производства следственного действия, то следователь не только вправе, но и обязан воздержаться от вторжения в жилище.

В третьих постановлениях излагаются решения о законности или незаконности состоявшихся процессуальных действий и решений (ч. 5 ст. 165 УПК РФ и ст. 125 УПК РФ).

Своими постановлениями суд:

1) решает вопросы ограничения личной свободы (п. 1–3 ст. 29 УПК РФ) и временного отстранения от должности (п. 10 ст. 29 УПК РФ);

2) разрешает (или не разрешает) производство следственных действий, ограничивающих иные конституционные права и свободы (п. 4–9 и 11 ст. 29 УПК РФ);

3) удостоверяет законность и обоснованность следственных действий (ч. 5 ст. 165 УПК РФ), а также законность и обоснованность действий и решений следователя и прокурора в порядке ст. 125 УПК РФ.

С формальной стороны все это является рассмотрением и разрешением ходатайств и жалоб. Но по сути ходатайства эти различны. В первом случае следователь просит суд вынести решение, которое будет исполняться другими органами, не осуществляющими уголовное судопроизводство и не участвующими в нем. Во втором – выдавать судебное разрешение на производство следственных действий и дублирования судебного решения постановлением следователя не требуется. В третьем случае (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) следователь не позднее 24 ч с момента начала следственного действия представляет на судебную проверку свое постановление и результаты следственного действия для судебного удостоверения законности и обоснованности его производства.

Решения, выносимые в порядке ч. 4 ст. 165 УПК РФ, являются превентивно-обеспечительными по своему назначению и разрешительными по существу, а вынесенные в порядке ст. 125 УПК – правовосстановительными. В первом случае суть судебного решения можно выразить словами: «разрешить – не разрешить». Во втором, как это предусмотрено ч. 5 ст. 125 УПК, суд не только признает действие или решение незаконным

или необоснованным, но и обязывает должностное лицо устранить допущенное нарушение. Иными словами, суд принимает решение о восстановлении или не восстановлении нарушенных прав и свобод.

Даже с большой долей условности судебное решение, вынесенное в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ, трудно назвать правовосстановительным. Обеспечить соблюдение права на неприкосновенность жилища уже невозможно, как невозможно его восстановить. Следователь может восстановить нарушенные имущественные права, возвратив предметы, изъятые при проведении незаконного обыска в качестве вещественных доказательств, поскольку по решению суда они признаются недопустимыми доказательствами.

Правомочия следователя по отмене судебных решений, вынесенных в предварительном производстве, противоречат п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК РФ, в соответствии с которой только вышестоящий суд может отменить судебное решение. Думается, что решение о временном отстранении от должности или о наложении ареста на имущество должно отменяться только судом, как и любое судебное решение. Никаких изъятий из принципа недопустимости отмены судебных решений несудебными органами, в данном случае органами предварительного расследования, быть не должно. Меры принуждения, примененные судом, должны и отменяться не иначе как на основании судебного же решения.

Кроме того, суд не должен быть ограничен предусмотренной законом возможностью избрания только залога или домашнего ареста при отказе в удовлетворении ходатайства о заключении под стражу. Здесь должны применяться общие основания и общий порядок избрания мер пресечения. Также следует устранить противоречие п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ и ст. 22 Конституции РФ в части продления задержания подозреваемого на срок не более 72 ч с момента вынесения судебного решения. В любом случае задержание не должно превышать установленного Конституцией 48-часового срока.

Таким образом, в предварительном производстве по уголовному делу суд выносит решения:

- об избрании мер пресечения и применении мер уголовно-процессуального принуждения;
- о разрешении следственных действий, ограничивающих права и свободы;
- о законности процессуальных действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя и прокурора.

По их сущности решения, выносимые судом в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ, являются правообеспечительными. Решения, вынесенные в порядке ч. 4 ст. 165, – разрешительными, ч. 5 ст. 165 УПК РФ – удостоверительными и в порядке ст. 125 – правовосстановительными.

Функциональное предназначение судебного контроля определено п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ как защита личности от незаконного ограничения ее прав и свобод. Можно рассматривать судебный контроль и как форму реализации данной функции, если понимать под нею процессуальный порядок его осуществления, установленный ст. 125 и 165 УПК РФ. Нормы, регламентирующие процессуальный порядок осуществления судебного контроля, можно рассматривать и в качестве

самостоятельного института уголовно-процессуального права. Судебные полномочия являются средствами его осуществления. Поскольку защита личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6), охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11), а также право на судебное обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК) «возведены» законодателем в ранг принципов уголовного судопроизводства, имеются полные основания считать судебный контроль одним из принципов уголовного процесса. Поэтому пределы судебного контроля в досудебном производстве нельзя ограничивать рамками стадии предварительного расследования. Судебный контроль возможен и в стадии возбуждения уголовного дела, а также после окончания предварительного расследования по жалобам на действия и решения прокурора по делу, поступившему к нему с обвинительным заключением или обвинительным актом.

Таким образом, имеются достаточные основания считать судебный контроль самостоятельным процессуальным институтом, имеющим свой предмет, пределы и свои методы регулирования, различные для разных его видов (конституционного и уголовно-процессуального), особый круг лиц, имеющих право представлять ходатайства или приносить жалобы. Для

правильного его осуществления в каждом конкретном случае всегда необходимо установление вида, предмета и пределов судебного контроля.

Разделение властей в уголовном судопроизводстве привело к тому, что судебная власть выполняет свою часть правообеспечительной функции государства – функцию судебной защиты прав и свобод, осуществляя судами в судебном присутствии следующие уголовно-процессуальные функции: 1) разрешения уголовного дела по существу, для чего суд наделен специальными полномочиями, закрепленными в п. 1–3 ч. 1 ст. 29 УПК РФ (именно функция разрешения уголовного дела, а не правосудия, поскольку при назначении принудительных мер или прекращении судом уголовного дела оно также разрешается по существу); 2) судебного обеспечения законности и обоснованности ограничения конституционных прав и свобод в соответствии с ч. 2 ст. 29; 3) судебного процессуального контроля или проверки жалоб на действия (бездействия) и решения лиц, осуществляющих производство по делу (ч. 3 ст. 29).

Названные функции являются функциями судебной системы в уголовном судопроизводстве, т.к. осуществляются судами всех уровней во всех стадиях и видах производств. Правосудие осуществляется лишь в стадии судебного разбирательства уголовного дела по первой инстанции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашиева Ф.А.* Осуществление правосудия в системе уголовно-процессуальных функций. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2007. 148 с.
2. *Муратова Н.Г.* Многофункциональность судебного контроля в уголовном судопроизводстве // Судебная власть в России: закон, теория и практика: Сб. ст. М.: Юрист, 2005. С. 372–378.
3. *Свиридов М.К.* Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Вопросы укрепления российской государственности: Сб. ст. / Под ред. Ю.К. Якимовича. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. Вып. 7. С. 3–6.
4. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном процессе России. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002. 332 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 июня 2009 г.